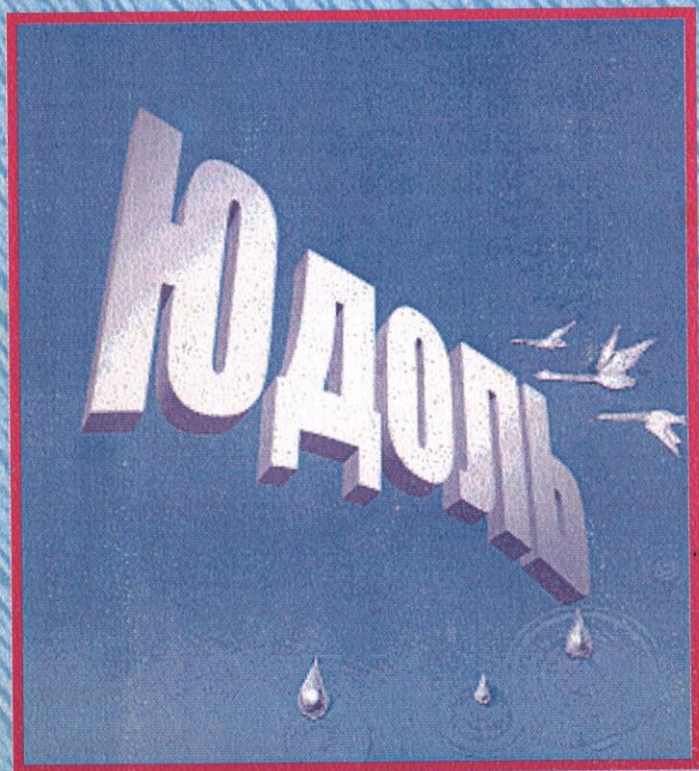

К 84(2Рое-Руд)6-5
К 72

Алексей
Костюченко

Алексей Костюченко

Юдоль

Шадринск
2007

ББК 84 Р7-5

К 72

Костюченко А. П. Юдоль. – Шадринск: Изд-во
ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2007. – 84 стр.

В книге представлены лирические произведения о России, Поволжье, Сибири, Югре, природе, жизни и любви. Стихотворения, включённые в сборник, будут интересны самому широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-7142-0868-3 © Костюченко А. П., 2007

Алексей Павлович Костюченко

ЮДОЛЬ

Редактор С.Е. Сметанин
Корректоры: О.И. Светлякова,
В. П. Бумагина

Сдано в набор 19.04.2007. Подписано в печать 24.05.2007. Формат 70x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,03. Уч.-изд. л. 5,52. Тираж 500 экз. Заказ № 715.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

Предисловие

Алексей Павлович Костюченко будто родился поэтом, хотя начал писать в совершенно зрелом возрасте, с 2003 года, после того, как стал инвалидом. Несмотря на все каверзы, что преподнесла ему жизнь, он все же не пал духом, и нашел себя в поэзии.

С осени 2003 года он стал членом сургутского литературного объединения «Северный Огонек». Алексей сдружился с музой, природой и добром.

*Прощаю всех, кто носит в мысли гадость.
Люблю всех ближних, им хочу добра.*

Первая книга стихов Алексея «Души святая чистота» вышла в свет в 2005 г. А та, которую Вы держите в руках – «Юдоль» – вторая его книга. Стихи Костюченко заслуживают пристального внимания, они ясны, подчинены четкой композиции и оригинальны. Очень ярко он выражает чувства тоски по отчужденному дому:

*Спит Отчий край, подернутый туманом,
Пьянящий май наполнил мир дурманом.*

*Запах жизни – печенье хлеба –
Заполнялись им улица, дом...
Боже мой, как давно я там не был!
Помечтал, будто снова был в нем.*

*Я на кошме, у теплой печки
И глажу ласковых котят,
Их беспокойные сердечки,
Как будто выпрыгнуть хотят.*

Очень образно описаны родные его сердцу поволжские места:

*Во всей вселенной верю я,
Прекрасней всех земля моя:*

*Раздолье степи, тень лесов,
Улада птичьих голосов.*

*Шагну я за околицу
В широкие поля,
Послушаю там горлицу,
Как дышит мать-Земля.*

*Как шикает колосьями
Реснитчатый ячмень,
Как треплют просо космами
Ветра изо дня в день.*

У него особенное отношение к великой реке – Волге:

*Тобой нельзя не восхищаться,
И невозможно не любить.*

.....
*В тебе полощет небо своды,
Луна и солнце лик бодрят.
Ты – праздник жизни и свободы.
Смахни волной мои невзгоды,
О, Волга, как я встрече рад!*

Не менее любви и внимания он уделяет Югорскому краю:

*В край Югорский февраль
Князем властным пришел.
Вьет поземки спираль,
Ветер холоден, зол.*

Когда читаешь стихи этого автора, будто видишь перед собой картину настоящего художника:

*Приукрасил землю иней,
Вестник будущей зимы.
На закрайках речки Синей
Лед узорчатой каймы.*

*Костерок в ночи мерцает,
Два табунищика сидят.
Пламя в танце тьму пронзает,
Искры к звездам норовят.*

Алексей – христианин. С каким почтением он относится к Богу, как говорит о нем!

*У Господа назначен срок всему,
И только так – не может быть иначе,
И если поспешит Он – я пойму,
А если Он замедлит – надо значит.*

Вторая книга Алексея Костюченко намного профессиональнее и содержательнее первой. В ней затронуты более серьезные темы. Автор размышляет о настоящей, тяжелой для него доле, да и не только для него, и для многих тех, кто уже не в силах перестроиться, приспособиться к новой жизни. Алексей воплощает фигуру такого человека в образе русака:

*...Выпал снег, я ж серый, как
Жить, куда теперь деваться?
Все вокруг белым-бело,
Надо переодеваться,
Время новое пришло.
Мы по жизни русаками
Нелинялыми бредем,
Мир, пугая зипунами,
Белый свет, как снег клянем.*

Наверное, не зря этому сборнику стихов он дал название – «Юдоль», оно действительно соответствует его судьбе. Автор верен времени, в котором родился и возвращен:

*Двадцатый век жесток был, труден,
Я в нем родился, им возвращен...*

.....
*И потому его я славлю,
Россию всякую люблю.
Идет хула былого, травля,
Не троньте прошлого, молю!*

С какой душевной болью он вспоминает о своей семье!

*Прости меня во имя Бога,
Молю прощенья скорбя.
Уж не моя ты, недоtroга,
Но до сих пор люблю тебя.*

.....
*На небосводе солнце светит,
А сердце греет образ твой.
Простят ли грех мне наши дети?
Когда-то были мы семьей...*

Хотя жизнь не пощадила автора, в нем не угасло чувство красоты, высокое отношение к моральным и духовным ценностям:

*...Как и всегда горит заря,
Но для меня чуть ярче.
На те же реки и моря
Смотрю теперь иначе.
Пройдут года, мы в прах сойдем,
Нас предадут забвению.
Но утверждаюсь я в одном,
– Не все подвластно тлению.*

Я думаю, что его поэзия действительно не будет подвластна тлению, так как она многогранна и благотворно затрагивает души. Стихи Алексея Костюченко публиковались в средствах массовой информации Сургута и Югры, на сайте «Поэзия земли Югорской»

<http://www.isurgut.ru/~company/poetry>. Слышала о них очень одобрительные отзывы. Надеюсь, что стихи и вас не оставят равнодушными к творчеству автора. Давайте вместе пожелаем поэту больших творческих успехов и удачи во всех начинаниях.

**Член сургутского литературного объединения
«Северный Огонек» Нина Галочкина**

От автора

Грешен, жить я тороплюсь.
Годы мчат, и я боюсь –
На вопросы в жизни этой
Вряд ли я дождусь ответа.

И поэтому спешу,
Авторучкой лист пашу,
Строчки потом поливаю,
Всходам быть! – Я точно знаю.

День ушедший не вернешь,
Как бы ни был он хорош.
Дай Бог сил творить благое.
Время тает золотое.

Ход времен не тормознуть.
Ограничен жизни путь.
В прах сойду... – стихи читайте,
Алексея вспоминайте.

Волга

На берега твои крутые
Смотрю я, матушка-река.
А волны пенно-голубые
Все так же мчат через века.

Тобой нельзя не восхищаться
И невозможно не любить.
Мне все равно, на лодке мчаться
Или по берегу ходить,
Но только не в разлуке быть.

Прохладой жизни струи плещут,
Трепещет чайка над водой.
Стрижи без умолку щебечут,
На взгорке домик мой родной.

В тебе полощет небо своды,
Луна и солнце лик бодрят.
Ты – праздник жизни и свободы,
Смахни волной мои невзгоды...
О, Волга, как я встрече рад!

Загубили

Лжесвобода – жизнь мирская,
Лжесвобода.
Кабала грехов сгибает
Дух народа.
Полонили бесы души,
Полонили,
Не Христу, – мамоне служим
До могилы.
Супостаты жизнью правят,
Супостаты.
Люд на люд безбожно травят
Плутократы.
Загубили все благое,
Загубили.
Возрастало молодое,
Непорочное, святое –
Развратили!

Память

Завывает непогода за стеной,
Дни за днями годы мчатся чередой.
Вспоминаю былль давно ушедших лет.
Было счастье в моей жизни или нет?

Воеет ветер, а я мысли ворошу,
Но по детству только в памяти брожу.
Степь у Волги, много солнца, мамы лик
И любви моей той первой дивный миг.

И не хочется оттуда уходить,
Но не может в жизни счастье долго быть.
Ограничен даже этой мысли срок,
Что за счастье – если много, если впрок?

Не минует чаша сия...

Людей несчастных видел я немало.
В сей переплет однажды сам попал.
Чего же в жизни мне не доставало?
Видать не то, да и не там искал.

Желал иметь богатство и признание.
Не пасовал пред теми, кто был груб.
Кто пресмыкался – называл их дрянью.
Мне били в глаз – в ответ удар был в зуб.

Кровь от влюбленности вскипала бурно,
От новой страсти распирало грудь.
Пыл уходил и становилось дурно,
Но вот любил ли я когда-нибудь?

Семью, себя, соседа, незнакомца,
Как Бог велит? – Не знаю, что сказать...
Я выпить чашу горькую до донца
Не помышлял, не мог любить, прощать...

За все грехи придется отвечать.

Лето

Вдыхаю аромат лугов
Во время летней косовицы.
Стерней шагаю меж стогов
И копен к речке остудиться.

Едва заметен бег реки,
Гладь изумрудных вод прельщает.
Стрелой метнулись окуньки,
Видать, их тень моя смущает.

Рубаху скинул, брюки снял
И раскаленные штиблеты.
С разбега в воду – бух! – упал,
Так значит, вот, блаженство, где ты!

Возвращение

Вижу, прямо – переправа.
Справа – сельская управа.
Дом трубой чадит у речки.
Дым из печки вьет колечки.

Оседает дым клубами,
Растворяясь меж дубами.
Затянула серым осень
Над землею неба просинь.

Здравствуй, милый край унылый,
Напитай своею силой.
Долгий путь отмерил трудный,
В прошлом – гордый,
сын твой блудный.

Благодать

Шагну я за околицу
В широкие поля.
Послушаю там горлицу,
Как дышит мать-Земля.

Как шикает колосьями
Реснитчатый ячень.
Как треплют проса космами
Ветра изо дня в день.

Для всех поет бескрайняя
Степи широкой даль.
Заря ликует ранняя,
Льет легкую печаль.

Россиянин, русский, русак...

По заснеженному полю
Мчит испуганно русак.
Проклиная шкуру, долбе
Выпал снег, я ж серый, как

Жить, куда теперь деваться?
Все вокруг белым-бело.
Надо переодеваться –
Время новое пришло.

Мы по жизни русаками
Нелинялыми бредем.
Мир, пугая зипунами,
Белый свет, как снег клянем.

Восхищение

Ветки сада кто взлохматил,
Словно шерсткою? – Снежок!
Землю выбелил, приладил
Над забором гребешок.

Непорочно чистым, нежным
Снег блестит в лучах зари.
Переспелую черешней
Багровеют снегири.

И атласной лентой речка
В белизну молочную бежит.
Еле слышные словечки
Снегу первому журчит.

«БОМЖИ»

Ветры буйные сломали
Тополь у пруда.
Вороны над ним летали.
Горе – нет гнезда.

Дал Всевышний птицам голос
Не ахти какой.
И, услышав это соло,
Скажешь: «Боже мой!

Вот раскаркались, однако,
Кличут сонмы бед».
Но, какое здесь уж благо,
Коли дома нет.

Рождение дня

Рассвет дыханием Востока
Едва затронул камыши.
Они в одно мгновенье ока
Зашелестели из тиши.

Подобье маленькой эскадры –
Утиный выводок плывет.
Мордашка рыженькой ондатры
Вспорола гладь озерных вод.

Светлеет небо на Востоке
Неотвратимую зарей.
Роса искрится на осоке,
Тумана дымка над землей.

И жизнь – полет!..

У кромки таянья снегов
На рубеже тепла и хлада.
В вершинах гор, у облаков
По стылým каменным каскадам
От исчисления веков
Текут ручьи с горы-громады –

Ручьев журчанье среди скал
Как отзвук сладкогласной лиры –
И вдруг... срываются в провал,
Сверкая каплями сапфира.
Как яхонтом вина в бокал
Струят, искря, во славу мира.

АМИНЬ

У Господа назначен срок всему.
И только так – не может быть иначе.
И, если поспешит Он – я пойму,
А если Он замедлит – надо значит.

Господь изрек, что мрак из душ уйдет:
«Как Я вам завещал, заря взиграет».
И плоть спешит, а дух смиренно ждет
И верой неустанно возрастает.

Идиллия

Окончен день, семья вся в сборе,
Отец родне письмо строчит.
Родному брату – дяде Боре,
Неспешно пряжу мать сучит.

Кудельку теребит тихонько,
Негромко песенку поет.
Веретено в руке легонько
Вращая, нить из шерсти вьет.

Я на кошме у теплой печки
И глажу ласковых котят.
Их беспокойные сердечки,
Как будто выпрыгнуть хотят.

Томленной тыквы запах сладкий
До нас от кухни долетел.
Сказал отец, закрыв тетрадку:
– Хозяйка, я бы что-то съел.

И загремели чашки-ложки –
Котята ушки напрягли.
Мать подала на стол картошки.
С отцом на кухню мы пошли.

Не позабыть

Погружаясь настойчиво в память,
Вижу поле, родное жильё.
Адрес этого – близкая давность.
Степь России, Поволжье мое.

Над заснеженной весью сияет
Солнца доброго стынущий лик.
Дым из труб пики в небо вонзает
В тишине даже шепот, как зык.

Запах жизни – печение хлеба –
Заполнялись им улица, дом...
Боже мой, как давно я там не был!
Помечтал, будто снова был в нем.

Ну, где же ты?

Как долго я тебя искал,
Как долго шел к тебе.
Когда в конец изнемогал,
Я слезы лил в мольбе.

Рассветный луч обрисовал
Твой ясный, светлый лик.
Во мне мой дух возликовал,
Но только лишь на миг.

И так я от зари к заре
К закату дней пришел.
И вот уж старость на дворе
Спросила: — Что? Нашел?

Жизнь убегает как вода
И силы уж не те.
Кричу, не ведая стыда:
— Любовь моя, ты где?

У моря

Светило полудня
Ласкает южанок.
С отливом латуни
Цвет кожи гречанок.

И мрамора искры
В улыбке сияют,
А песен регистры
Красой умиляют.

Под пальмовой сенью
Укрывшись от зноя,
Внимая их пенью,
Лишен я покоя.

Буря

Стихии бездна за бортом
Пугает глубиною.
Она распорота винтом,
Следит, шипя, за мною.

На борт кидается волна,
Тщетою пренебрегая.
Неустрасима и вольна,
Матерая, седая.

Но вспыхнул свет во мраке дум
Ничтожной полосою.
Надежду высветил в аду
Спасительной землею.

Утро

Спит отчий край, подернутый туманом.
Пьянящий май наполнил мир дурманом.
Рвет пелену рассветного забвенья,
Заря лучом, являя дню владенья.

Запел певец пернатого сословья.
Весенний льстец нарушил сон, безмолвье.
Коленца гнет на удивленье плавно,
Расцвел рассвет: «Ах, до чего же славно!»

Мираж

Под солнцем палящим
Ковыль серебрится.
Мираж восходящий
Растет и клубится.

Сверкает прохладой
Волна голубая,
Тенистой усладой
Аллея живая.

Добраться не пробуй
До благоуханья.
Исполнишься злобой,
Тщетою блужданья.

Портрет

Сидит на завалинке старенькой хаты
И штопает валенок дед бородатый.
Наличники, ставни резьбою увиты,
Дощечка к дощечке по струнке прибиты.

Улыбка беззубого рта умиляет,
Глаза голубые добро излучают.
Огромные руки умельца ловки,
На тоненькой дратве плетут узелки.

Степные дали

Во тьму закат запеленован
Небесной, властной рукой.
Склонила лик луна к дубровам.
Вселенски-благостный покой.

Дыханье неба освежает
Земли разгоряченный пыл.
К вечерне колокол сзывает
Вскричал петух с ударом крыл.

Коровий мык и лай собачий,
Гусиный гогот, утиц крик.
Хрипит динамик дребезжащий,
Слов песни не понять никак.

Шагает степью ночь-цыганка,
По небу звезды жемчугом.
Запела о любви селянка
На «о» – поволжским говорком.

Заморозок

Приукрасил землю иней,
Вестник будущей зимы.
На закрайках речки Синей*
Лед узорчатой каймы.

Пар клубит, над водной гладью
Солнца стылый каравай.
В поднебесье птицы ратью
Молча тянут в дальний край.

Изобилье красок, осень
Выстилает зимний путь.
Стекленеет неба просинь,
Тучи зреют цвета – ртуть.

* Синяя – речка в Саратовской области.

Восвояси

Подарила осень лету
Золоченую карету.
Запрягла ветра шальные,
А дожди, как пристяжные.

Стаи птиц, послав гонцами —
Быстрокрылыми певцами.
Отыскать места иные —
Заповедные, жилые.

Мчит с ветрами вдаль карета,
Восвояси катит лето.
Лист опавший след прикроет.
Грусть не грусть, а сердце ноет.

О времена, о нравы!

Прикрыл я в дреме свои веки,
И грезы хлынули толпой.
Я оказался в прошлом веке
Страны-страдалицы родной.
На рубеже изжитых буден
Не каждый грех, не всем прощен.
Двадцатый век жесток был, труден...
Я в нем родился, им возвращен.
И потому его я славлю,
Россию всякую люблю.
Идет хула былого, травля.
Не троньте прошлого, молю!

Сестрица рая

О чем задумалась, родная,
Обветренная степь моя?
Сестра неведомого рая –
Отчизны милые края.

Я вновь на том заветном месте,
Где отчий дом мой вековал.
В нем размышлял о белом свете.
Потом, где только ни бывал.

Вернулся, встал у края поля,
Рукой колосья шевелю.
Сестрицу рая – степь, доколе
Жив буду, я не разлюблю.

Выбор

Под чистым белым потолком
Сияет люстра светом...
Свеча горит под образком
В избе российской где-то.
Предприниматели кружат
В роскошном зале в вальсе...
Народ налогами зажат:
– Доколе?! – Время, сжался!
Я, как и вы, один из них.
С кем я – представьте сами.
Подумайте, а вы из чьих?
Вы с теми или с нами?

Дождик

У детей своя забава
В дождик бегать босиком.
Мчит сопливая орава,
Кто вприпрыжку, кто бочком.
– Иго-го – я конь ретивый!
Шлеп, шлеп, шлеп: «А я бычок!».
Тот козленочек брыкливый.
– Берегись! А я – волчок!
Вопли, крики, смех задорный
Будоражат все село.
Хлещет дождик благотворный,
Вот ребятам повезло!

Вселенский мотылек

Взглянула в комнату луна
Сквозь раму стылого окна.
Вокруг нее мерцанье звезд.
Мелькнул кометы яркий хвост.
Стремглав помчался он к земле,
Оставив желтый след во мгле.
Куда летела та звезда?
– Означен путь – не в никуда, –
С землею слиться навсегда.
Во всей вселенной, верю я,
Прекрасней всех земля моя.
Раздолье степи, тень лесов,
Улада птичьих голосов,
Дурман цветения весны,
Тревожны в эту пору сны.
И первый летний сенокос.
Валки, как плети женских кос.
Осенний красочный закат
Овеян грустью листопад.
Являет радость первый снег.
Сковал мороз движение рек.
Из года в год, из века в век...
И потому не в никуда
Летит полночная звезда.
Звезда – небесный мотылек –
Небесный прах на землю лег.

Дед и птица

С.Г. Бурмакову

Стоит на площади старик,
Подслеповато щуря глазом.
И только крикнул: «Пик, пик, пик!»
К нему слетелись птахи разом.

Снуют у самых его ног,
А он им семечки бросает.
Зима. Как мог он им помог –
Лицо улыбкою сияет.

Вот на его небритый лик
Уселась храбрая пичуга.
Теперь она уж: «Пик, – да, – пик!»
А дед в ответ: «Привет, подруга!»

Взяв угощенье изо рта,
С присвистом птица в небо взмыла.
Свела их в жизни доброта,
И одиночество сдружило.

Вечер

Алою каймою
Гор гряда горит.
Небо над землею –
Чистый лазурит.

Цвет долины горной –
Зелень и бордо.
Вспыхнул свет задорный
Звездною ордой.

Потемнели краски
В небе, на земле.
Оживают сказки,
День исчез во мгле.

Наши дети

Старший Саша, младший Коля,
Подрастают сыновья.
Маму их зову я Оля,
Муж и папа – это я.

Пацанята, как зайчата.
К маме с лаской норовят.
Для меня они – орлята,
Оперившись, улетят.

За окошком громкий слишком
Оживленный говор, смех.
То пришли друзья к мальчишкам,
Угощаем чаем всех.

Дом наполнил шум и хохот,
Все в нем ходит ходуном.
Вдруг раздался звон и грохот...
Жалко вазу... – Наживем!

Отражение

В очах пытливого лица,
Что отразились из прихожей,
В зеркальной глади, взор отца,
Ну, до чего мы с ним похожи!

Чернявый завиток волос
Украшен редкой сединою.
Осанка, плечи, тот же нос,
Под ним усы торчат метлою.

И взгляд моих – отцовых глаз
Печален и немного влажен.
Взгрустнул – то, лишь один из нас,
А кто? – Не так сей факт и важен.

Февраль

Над Югрой, остуженной
Долгою зимой.
Ветра глас недюжинный
Исторгает вой.

Стонет крепь таежная,
Бесится пурга.
Буйная, мятежная,
Ворошит снега.

Будто бы иголки
Снег в лицо вонзил.
Убелил мне челочку,
Очи прослезил.

Невообразимая
Всюду кутерьма.
Февралем бодримая
Крепится зима.

И давай бунтовать...

Ширь сибирских озер,
Крепи дикой тайги.
Охраняет дозор
Снегопада, пурги.

В край Югорский февраль
Князем властным пришел.
Вьет поземки спираль.
Ветер холоден, зол.

Точно знает зима –
Скоро ей на покой.
Где-то рядом весна,
Месяц март молодой.

Негодует февраль,
Надо власть отдавать.
Так старался и – жаль.
И давай бунтовать...

Морозная роспись

Узоры графики морозной
В стекле окна я созерцал.
Пейзаж начертан грандиозно,
Небесным светом отливал.

Рисунок весь переливался
Нерукотворный, но живой.
И я смотрел и удивлялся:
Какая прелесть, Боже мой!

Вот так и живу

Душа моя поет и расцветает,
Вокруг меня который год весна.
Невзгоды и лишенья тают, тают,
Людской любви влечет меня волна.

К рассветам и закатам жизни брэнной,
В былом жестокой, но теперь такой,
Что петь хочу о самом сокровенном,
О смысле жизни, доброте людской.

Что все объемлет сердце мое радость,
А день сегодня лучше, чем вчера.
Прощаю всех, кто носит в мысли гадость.
Люблю всех ближних, им хочу добра.

Уходит день

На закат гляжу в окошко.
Солнце видно лишь немножко.
Удивительного цвета
В этот миг моя планета.

Освещая землю ало,
Солнце клонится устало.
В полыхающей короне
Убыстряет бег на склоне.

В розовой дымке дали —
Назревает грусть, печали.
Дня остатки угасают,
Сны и грезы оживают.

Жизни миг неповторим

Заря как огненный петух
На горизонте восседала.
И звездочек ночных, как мух,
Проворно на небе клевала.

И будто чудо-корабли
Цветные облака летели.
Преображая кров земли,
Над миром трели птах звенели.

И вдруг метнула свет заря,
Захлопав петуха крылами.
И вместо птицы-бунтаря
Явился солнца лик пред нами.

От взгляда вечного лица
На сердце радость, восхищенье.
О, как я жил с душой слепца,
Не видя красок сотворенья?!

Март в Поволжье

Как мальчишки воробьишки
Голосистые шалят.
Распушились будто шишки –
Соплеменники орлят!

День купания устроив
В талой луже под окном,
Шум и гомон, тем устроив
Всему свету, чудным днем.

От души потрепыхавшись
В луже мартовской, едва
Отряхнувшись, отдышавшись,
На ветлу летит братва.

Будто шишки распушились,
Даже клювов не видать.
Капли с крыш о землю бились.
Солнце в марте – благодать.

Бессонница

Чу, нарушен звон тиши,
Зашуршали камыши.
Это шепот ночи утру,
Словно кто-то дунул в пудру.

Речку выбелил туман,
Кружит голову дурман.
Донник – ах! – благоухает,
Сполох звездный угасает.

Ночь июньская сереет,
Горизонт Востоком рдеет.
Ветерок примчал в мир утро,
В жизни просто все и мудро.

Ночи мрак, рассвет, денница,
И не стар я, а не спится .
На крыльце всю ночь сижу,
В датах памяти брожу.

То вздыхаю, ухмыляюсь.
Ночь ушла, а я все маюсь,
Нарушая звон тиши
Стоном горестной души.

А что же там?

К суховею я привычен,
К песне линий проводов.
Посвист суслика обычен
Для поволжских степняков.

Рвет жарою горизонты
И гляжу из пустоты,
Вырастают мастодонты.¹
Шеи, спины, животы

Вереницей вдаль шагают,
Не шагают, а плывут.
Или, может, улетают,
Горизонты часто лгут.

Мне б дойти до этой грани,
Где край неба и земли.
Но смеются: «Ты ж устанешь!»
– Вы бы лучше помогли.

¹ Мастодонты – вымершие млекопитающие отряды хоботных, от которых произошли слоны.

Грезы

Светило в зените.
Лучи, словно нити
На поле ржаное легли.
Кольшутся дали,

От них побежали
Столбы к горизонту земли.
Бескрайнее поле,
Раздолье и волю

И песню стальных проводов.
Живет, вспоминая,
О встрече мечтая,
Полярник в безмолвии льдов.

В пары, но до поры

Прячется солнце за голые ветки
Кленов, осин, тополей.
Бывшие некогда дивной расцветки
Осенью жизни своей.

Дали степные, как лысина голы.
Редкий ковыль кое-где.
Лесопосадки стоят частоколом.
В поле солома в скирде.

Лужи подернуты коркой хрустальной.
Трактор урчит в борозде.
Лемех поверхностью блещет зеркальной,
Пар от земли кое-где.

Словно со вздохом ложится, в отвалы
Лоск отливая, земля.
Соки посевам земля отдавала,
Щедрыми были поля.

Спи, отдыхай, дорогая земляца,
Ты потрудились не зря.
Солнце с дождями пускай тебе снится
И золотая заря!

Июнь

Васильками синими
Всплески на лугу
Ветры мчат горбинами,
Травы гнут в дугу.

Скоро сенокосица.
Отобью косу.
Руки в дело просятся,
С трав росу стрясу.

Закат

Шаловливый ветерок,
Космы просяные,
Колыхал под вечерок
Нивы наливные.

Горизонт сиял мечтой
Красками заката.
Мысли вслед за красотой
Унеслись куда-то.

Чуть овеяло меня
Ветерка дыханье.
Расцвела в закате дня
Прелесть мирозданья.

Чугун и снег

Ограды кованой узоры
Искристый снег припорошил.
Прохожих привлекая взоры,
Снежок орнамент серебрил.

Лоза и гроздья винограда,
Лоза обвила стан прута.
Ограды ожила громада.
Чугун и снег, а – красота!

Венец напоминаний

Старательно на мне сплетали годы
Веночек бытия прожитых дней.
Сплелись в одно победы и невзгоды
И тяжек стал венец судьбы моей.

Один, другой – опали лепесточки
Вплетенных роз, впились шипы в чело.
Напомнив жизни прожитой годочки –
Грехов моих несметное число.

Преображение

Сегодня дивная погода –
Обворожительна природа.
Осенний дождик лить устал,
И лес во всей красе предстал.

Листвы оттенки, красок гамма
И воздух сладостней бальзама.
То тут, то там искра сверкнет,
Дождинки капля упадет.

Раздался в небе клич усталый
Незримой птицы запоздалой.
И лес откликнулся буквально
Звонящим эхом идеально.

И эхо тронуло листву
Осины, как по волшебству.
Тут крона вся затрепетала,
О чем-то мне залопотала.

Пылает лес красой печально.
Прозрачна высь небес, хрустальна.
Ликует в небе солнца лик.
Замри, сей чудный, дивный миг!

* * *

На степные дали лег снег.
В панцирь заковали бег рек.
Холода пронзили мой край.
Самоутвердили свой рай.

В лужах под ногою лед – хрусть!
Небо серой мглою шлет грусть.
След во поле белом, чьих ног?
Словно почерк беглый сих строк...

Развал

Памяти И.П. Кузнецова

Попрали славу, добродетель,
Почила Святость, люд растлен.
Век – двадцать первый, ты свидетель –
Народный дух в дугу согбен.

Среди трезвона колоколен
Над степью скорбный стон земли.
Нельзя смотреть на степь без боли,
Где рожь цвела – сплошь ковыли.

Степи Саратовской каналы
Сплелись в извилистый овраг.
Одно нам имя всем – вандалы.
И человек земле стал враг.

Мы сотворили лихолетье.
Содом, Гоморра – вся страна.
Пропили, продали наследье,
Ликуют бес и сатана.

Помощник

С отцом иду на сенокос.
Упрямый чуб лохматят ветры.
Вчерашний день дожди принес,
Луга травой густы и щедры.

До заливных рукой подать.
Заря бушует рыжим бесом.
И поутру легко шагать
Поющим, чистым, русским лесом.

Дымит махоркою отец,
Ступая молча, торопливо.
Я полон счастья – сорванец,
Шагаю весело, игриво.

Пришла пора, на сенокос
Идет с отцом его опора.
«Опору» мучает вопрос:
– Когда же вырасту? – Да, скоро!

Услышь...

Прости меня во имя Бога
Молю прощения, скорбя.
Уж не моя ты, недотрога –
Я до сих пор люблю тебя.

В мечтах веду с тобой беседы,
Стихи, молитвы – о тебе.
Вобрать бы мне твои все беды,
Навеки спрятать их в себе.

На небосводе солнце светит,
А сердце греет образ твой.
Простят ли грех мне наши дети?
Когда-то были мы семьей.

Осенние мотивы

Тропой тенистой за грибами
Иду в заветные леса.
Тропа кружит между кустами
И редки птичьи голоса.

Немного пахнет воздух прелью,
А струи воздуха чисты.
Холодной, росною капелью
Меня осыпали кусты.

Ручей хрустальным перезвоном
Предложит: «Отхлебни меня».
Сидит на ветке мудрый ворон –
Не каркнет лишнего зазря.

Я сел на пень, сойдя с тропинки.
До боли милые края.
Отсюда, из такой глубинки,
Черпаю силы бытия.

Снег сошел

Изумрудного цвета поля.
Бархат озими, нежные всходы.
Возрождается жизнью земля.
День весенний. Лазурные своды

Необъятную землю мою
Пеленают красой мироздания.
О любви к этой жизни пою,
О, весна – торжество созидания!

Суета

И вспомнил я о матери,
Как водится, на Пасху.
Могильный столик скатертью
Накрыл, достал колбаску.

Вина бутылку и батон.
Не прибрана могила.
И как-то дрогнул баритон:
– Мам... – года не хватило

Прийти, убраться, обновить
Надгробие, оградку
У той, кто смог меня родить,
Чья жизнь была несладкой.

Кто пеленал меня, растил?
Кто в первый класс отправил?
Кого ребенком я любил?
– Забыл! – Зачем слукавил?

Бутылку взял, и закусить,
А в день сей это ль надо?
Во всем умеем согрешить?
Раз в год приходишь, чадо.

Но, слава Богу, то, что сын
О маме вспомнил все же.
Такой, увы, я не один.
Прости грехи нам, Боже.

Проба

Блюдо квашеной капусты
Мать поставила на стол.
С удовольствием и хрустом
Я попробую посол.

Той капусты взял щепотку
В рот отправил аккурат.
Сок потек приятно в глотку,
Зубы сочный лист крушат.

Замечательного вкуса
Мамин, фирменный засол.
Аж проснулся кот от хруста,
Старый кот по кличке Фрол.

Прощай

Кафе пустое. Слякоть, ветер.
Сажу за столиком, грущу.
Моей любимой я, поверьте,
Не смог сказать: «Не отпущу!»

Листва березы мокрым снегом
Неслышно падает, кружась.
Любовь мою мчит лайнер в небо,
Глаза тоской блестят, слезясь.

В чужой стране иные люди,
Но пред любовью все равны.
Желаю – жизнь твоя пусть будет
Счастливой. Бог тебя храни!

И тем живу

Ну, сколько можно горевать,
Судьба, мол, обделила...
Ведь жизнь одна! – Зачем роптать?
Не так все и постыло.

Как и всегда горит заря,
Но для меня чуть ярче.
На те же реки и моря
Смотрю теперь иначе.

Пройдут года, мы в прах сойдем,
Нас предадут забвенью.
Но утверждаюсь я в одном:
– Не все подвластно тленью.

Прошу слова

В короткий срок Руси народ
Одарен массою свобод,
Чтоб глас народа прозвучал
О смысле истинных начал.

Возможность дали – говори,
Что рыба гниль не изнутри,
А с головы идет всегда!
(Министры скажут – ерунда!)

Что столько душ сгубили зря
В войне, ГУЛАГе, за царя.
Что плох был каждый прежний строй,
А путч – дешевенькой игрой.

Нам подан клич, и снова – в путь
Страна идет – бедой блеснуть.
Мы, как Сизиф, себя морим,
Но в корень истины не зрим.

Письмо

По небу тучи еле-еле
Плывут, и дождик моросит,
В окно глядят Сибири ели...
А где-то степью конь летит!

Сковал недуг мне дух и тело,
Больницы кипень тяготит.
Вдруг слышу: «Лешке прилетело
Письмо с Поволжья, вот фартит!»

Как пахнет степь дождем, я вспомнил.
Кадык метнулся как затвор.
Всю суть мою тот дух заполнил
И переполнил влагой взор.

Конверт, как луч надежды прежней
В палату мне принес зарю.
Прижал письмо к груди я нежно
И прошептал: «Благодарю!»

Лесоповал

Темный лес невдалеке,
Вырубка пред ним.
В грустной думе на пеньке
Я сижу один.

Как надгробия пеньки
На земле родной,
Лесорубы-мужики
Валят день-деньской.

Шаг за шагом жизнь теснят,
Не щадят лесов.
Ветки-косточки трещат
У живых стволов.

Всходам жизни все равно
Вырубку обжить.
Не увижу, не грешно.
Верю, счастью быть.

Именины

В сумке из холстины
Чудо-угощенье!
Нес я мандарины
Маме в день рождения.

Торопились ноги
По степной дороге
Босы и немые,
Тут и там – побитые.

И шагал я бойко
К матушке на дойку.
Надо мной игристое
Солнышко лучистое.

Жаворонка пение,
Как благословение
Господа небесное –
Трелью – бессловесное.

От проселка вправо
Вижу переправу.
Гурт буренок вдалеке,
Пастушонок на коньке.

В сумке из холстины
Чудо-угощенье.
Ела мандарины
Мама с восхищеньем.

* * *

Овеваемый ветрами
На отшибе дом стоит.
Солнцем сушен, мыт дождями,
В степь окошками глядит.

Встал как будто бы на страже
Деревенского житья.
Он казался прежде краше
Всего прочего жилья.

Краска ставень облупилась,
Крыша выгнута седлом.
Запустенье приотилось
В доме некогда жиллом.

На полях бурьяна всходы,
Ветры сушат чернозем.
День за днем, от года к году
К краху сельскому бредем.

Мосток

Ручейка лесного мостик
Приглашает меня в гости.
К золотящимся полям,
Нескончаемым степям.

Они ждали меня, знаю,
Взглядом я вокруг взираю.
Где-то должен быть овраг —
Позабыл — эх, надо ж так!

Шепчет рожь на всю округу:
«Долго не был, рада другу».
Я воскликнул: «Степь, я здесь!
Воротился в свою весь».

Милости просим

Проталин малахаи
Примерили холмы.
Летят пернатых стаи
На проводы зимы.

Где тамадою солнышко,
И ветры – в хоровод.
Российская сторонushка,
Встречай, Весна грядет!

Из века в век

Просиял зарницы сполох,
Шлет гроза посланца в ночь.
Ниже звезд луны осколок,
Светит месяц, видом тощ.

Костерок в ночи мерцает,
Два табунщика сидят.
Пламя в танце тьму пронзает,
Искры к звездам норовят.

Кони хрумкают осотом
Где-то рядом, у костра.
Пахнет сбруей, конским потом
Терпкий запах жухлых трав.

Испокон веков поныне
Неизменны степь и ночь,
И зарницы грозовые.
Месяц в небе так же тощ.

Югра

Влага выблестила крыши
Всех авто, промок проспект.
Шум дождя шуршащий слышен,
Тучи застили рассвет.

Над Сургутом день рождался
Неприветливый, сырой.
Шел мужик и чертыхался:
– Что за край! Дыра дырой!

Две причины без сомненья –
Что в Югре прельщают нас:
Романтическое рвенье
И реальность – нефть и газ.

Проворонил...

Дугою бровь, как ночь июня
Черны цыганские глаза.
Рассвет-улыбка, ликом юна,
Прекрасна дикая краса.

В очах неведомая тайна.
В тумане взора – Млечный Путь.
Как омут или прорубь, майна.
Я в них согласен утонуть.

Цыганка льстиво говорила
О князе, власти, о дворце.
За деньги не благодарила –
Брала с загадкой на лице.

Как это вышло? – Проворонил!
О, несмышленное дитя!
Я портмоне, потрогав, понял,
Меня обчистили шутя.

Ковчег красоты

На сваях, сбита исправно,
Меж небоскребов бытия.
Избушка высится забавно.
В ней голубей живет семья.

И, как от фантиков конфетных,
Пестреет голубятни кров.
Красой камней самоцветных
В однообразии дворов.

Вот закружился в воркованье
Воротникастый винтовой.*
Сам в чисто белом одеянье,
Как в шали шея с головой.

Там николаевец* грачиный,
Ростовец* теплой красноты.
Расправлен белый хвост «павлиний» –
В душе восторг от красоты.

Цвет оперенья птиц чудесных
Представят: ленточный*², вертун*.
Туляк*, лодарь* – окрас небесный.
Чиграш*, монах*, трубач*, скакун*.

Бал красоты снует, воркует,
Вспорхнут иные, ободрясь.
Зобарь* осанкою шикаует,
Застынет в позе, возгордясь.

Как этим всем не любоваться,
Красой земною во плоти?
Ковчег прекрасного здесь, братцы!
И так легко в него войти.

²* Значком обозначены породы голубей и их своеобразный окрас.

Не спится

Вьюга ночью веселилась,
Куролесила, мела.
В окна, двери, крышу билась –
Люди спали – не вошла.

Все швыряла снег в окошко,
Терла веткой по стеклу.
Дымоход повыл немножко
На степную глушь и мглу.

Непогодь угомонилась,
Ставни больше не стучат.
Иль ушла, иль обленилась...
Нате! Кочеты³ кричат!

Забрехали собачонки,
Мать забрякала ведром.
Звук известный, подоенки.
Рукомойник «блом» да «блом...»
– С добрым утром, отчий дом!

³ Кочет – петух.

Сестрицы

Там непуганые птицы
И привольной жизни крепь.
Не в какой-то загранице,
А в Поволжье, это – степь.

Сто дорог, любая – к счастью.
Сто ветров укажут путь.
Редкий раз найдет ненастье
В наши судьбы – лень и грусть.

Словно страусы сафари,
Дрофы, как на костылях.
Крик тревоги, как фанфары –
Молодь юрка в ковылях.

Здесь непуганые птицы
И привольной жизни крепь...
Нареченные сестрицы
Неразлучны – Волга, степь.

Яко прыщик на челе...

Крыша дома крыта толью.
Перелатанный забор,
Как обшлаг, побитый молью –
Во все стороны обзор.

Это вотчина родная,
Дом рожденья моего.
Как бы в отдали и с края
От селенья самого.

Девяносто, может, боле,
Изб у нашего села.
Но без счета версты воли,
Степь округой пролегла.

К Волге весь моя прилипла:
«Яко прыщик на челе!» –
Мне отец частенько хрипло
Объяснял навеселе.

Тридцать лет минуло с лишним,
Как брожу я по земле.
Не богатый и не нищий,
Ни во свете, ни во мгле.

Дубрава

Росой, как бриллиантами,
Усыпан утром луг.
Стволы дубов, атлантами
Могучими вокруг.

Подперли небо кронами,
Колоссами стоят.
Не мертвыми колоннами —
Листвою говорят.

Прислушаешься, слышится —
Доносится: «Ш-у-ш-и!»
Трава едва колышется,
Не видно ни души.

Высь неба заполняется
Вселенской красотой,
Что в росах отражается...
Мчит лучик золотой.

Содержание

От автора.....	8
Волга.....	9
Загубили.....	10
Память.....	11
Не минует чаша сия... ..	12
Лето.....	13
Возвращение.....	14
Благодать.....	15
Россиянин, русский, русак... ..	16
Восхищение.....	17
«БОМЖи».....	18
Рождение дня.....	19
И жизнь – полет!.. ..	20
Аминь.....	21
Идиллия.....	22
Не позабыть.....	23
Ну, где же ты?.....	24
У моря.....	25
Буря.....	26
Утро.....	27
Мираж.....	28
Портрет.....	29
Степные дали.....	30
Заморозок.....	31
Восвояси.....	32
О времена, о нравы!.....	33
Сестрица рая.....	34
Выбор.....	35
Дождик.....	36
Вселенский мотылек.....	37
Дед и птица.....	38
Вечер.....	39
Наши дети.....	40
Отражение.....	41
Февраль.....	42
И давай бунтовать... ..	43
Морозная роспись.....	44

Вот так и живу	45
Уходит день.....	46
Жизни миг неповторим	47
Март в Поволжье.....	48
Бессонница	49
А что же там?.....	50
Грезы	51
В пары, но до поры... ..	52
Июнь.....	53
Закат	54
Чугун и снег.....	55
Венец напоминаний	56
Преображение.....	57
«На степные дали...»	58
Развал	59
Помощник.....	60
Услышь... ..	61
Осенние мотивы	62
Снег сошел.....	63
Суета.....	64
Проба.....	65
Прощай.....	66
И тем живу	67
Прошу слова	68
Письмо	69
Лесоповал	70
Именины	71
«Овеваемый ветрами...»	72
Мосток.....	73
Милости просим	74
Из века в век	75
Югра.....	76
Проворонил... ..	77
Ковчег красоты	78
Не спится	79
Сестрицы	80
Яко прыщик на челе	81
Дубрава	82

